

мовое подданство» графа П. А. Румянцева: автореф. дисс... кандид. ист. наук. СПб., 2006.

⁵ Текст части следственных документов утрачен (они собраны в подборку «подмокших и слипшихся бумаг»); кроме того, уже в процессе следствия Волынский и его «конфиденты» имели время и возможность уничтожить многие документы – так, например, кабинет-секретарь Анны Иоанновны Иван Эйхлер сжёг письма Волынского.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 198. Л. 1–160б.

А. С. Палкин

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЕДИНОВЕРИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛА XIX в.*

В конце 90-х гг. XVIII в. по России прокатилась вторая крупная волна формирования единоверческих приходов (первая волна связана с затянувшимся более чем на 10 лет обращением в единоверие стародубских слобод¹ и неудачной попыткой внедрения единоверия на Иргизе, предпринятой «строителем» Сергием (Юршевым)²). В 1797–1798 гг. единоверческие церкви появились в Казани, Твери, Торжке и Нижнем Новгороде³, в 1799 г. движение в сторону компромисса с государством начинают староверы Екатеринбурга и Москвы⁴, в том же году был создан первый единоверческий приход в столице империи⁵.

Примечательно, что развитие только что учрежденного единоверия находилось под личным контролем императора. Это может быть объяснено не только любовью Павла I к мелочам, его желанием лично вникать во все тонкости государственной жизни и благоволением монарха к единоверцам, но и непривычностью самой идеи введения староверов в структуру официальной церкви, а также отсутствием четкой системы и механизмов обращения в единоверие и формирования единоверческих приходов. Так, например, в конце 1800 г. император лично удовлетворил просьбу трех петербургских и одного московского старообрядцев о присоединении их к единоверию. Вследствие этого священник петербургской «старообрядческой в доме купца Милова церкви» Николай Иванов присоединил старообрядца Ивана Андреева зимой 1800–1801 гг. Священник церкви Сретения Господня, что на старообрядческом кладбище за Черной речкой (тоже в столице), Андрей Андреев, присоединил староверов Павла Добрецова и Алексея Аманова, впоследствии сыгравших важную роль в

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009–1.1–301–072–017».

судьбах петербургского единоверия, в двадцатых числах декабря 1800 г., а Дмитрия Федорова присоединили к Московской церкви в январе 1801 г.⁶

Вообще вопрос о петербургском единоверии, особенно на начальном этапе его развития, недостаточно рассмотрен в литературе. Из исторических трудов и справочников мы можем почерпнуть лишь несколько фактов. В 1798 г. купцом Иваном Ивановичем Миловым (1742–1839) было получено разрешение на устройство Никольской единоверческой церкви из беглопоповской моленной, находящейся в его собственном доме. В 1799 г. церковь была освящена иеромонахом стародубской Никодимовой Свято-Троицкой (Успенской) обители, Варлаамом на древнем антиминсе, датированном 1573 г. Церковь не отличалась ни богатым внутренним убранством, ни размерами (8 сажень в длину и 4 в ширину)⁷. Причины обращения в единоверие И. И. Милова и его сподвижников до конца неясны, однако можно предположить, что их желание присоединиться к единоверию в целом находилось в русле тенденций, распространенных среди представителей верхушки беглопоповщины различных регионов России – а именно, желания части верхов старообрядчества обезопасить свои интересы путем компромисса с самодержавием.

Вторая – Сретенская – единоверческая церковь на старообрядческом кладбище за Черной речкой, согласно справке из петербургской консистории, была «превращена» в 1800 г. из федосеевской часовни по просьбе старовера Никиты Федорова⁸. 11 декабря того же года Синод приказал определить к ней священника. Местный преосвященный определил к этой церкви по желанию просителя Федорова из села Парголово священника Андрея Андреева. 4 января 1801 г. туда же определен и дьякон Алексей Иванов из села Васильевского Новоладожского уезда. В январе же, в помощь Андрееву был дан другой священник Петр Саввин из села Вороновского Рождественского погоста Новоладожского уезда. После чего единоверческая церковь была освящена охтенским протоиереем Андреем (Иоанновым) с тремя «старообрядческими» (по всей вероятности, единоверческими. – *А. П.*) священниками⁹.

Существование единоверческих приходов не было безоблачным и сопровождалось различными конфликтами и смутами. Прежде всего это касается Сретенского прихода. Уже в марте 1801 г. к преосвященному поступил рапорт от о. Андреева о том, что прихожане на него «вознегодовали», иметь его при себе не желают и отказали ему в общей пище. Митрополит приказал благочинному Невской церкви протоиерею Сергию «об оном разведать». Причина недовольства оказалась в том, что Андреев крестился троеперстно. Прихожане оказались недовольны также и дьяконом, который «ласково, благосклонно и скромно обходиться не умеет». Вследствие этого преосвященный перевел их служить в Николаевскую церковь,

находившуюся в доме купца Милова. Андреев, очевидно, не желавший служить по старому обряду, в апреле подал прошение о возвращении его к прежней Парголовской церкви¹⁰.

Через три года в Сретенской церкви произошел новый конфликт. 8 сентября 1804 г. дьякон Алексей Иванов доносил преосвященному, что их прихожане – отправляющий дьяческую должность Василий Прокофьев, Павел Добрецов, Алексей Емановский, Федор Леонтьев и пр. – объявили, что церковь, Синод и архиереи – еретики, а также отказались молиться за царя. Кроме того, дьякон сообщал, что Саввин «из корыстолюбия» согласился служить, как ему указывали прихожане. Митрополит постановил благочинному охтенскому протоиерею Андрею Иванову (Иоаннову) взять письменные показания с Саввина о том, как он служит. Саввин и прихожане опровергли донесение дьякона. Священник сказал, что служит в точном соответствии со старопечатными книгами, архиереев признает, за царя молится. А благочинный пришел к выводу, что Саввин допускал в службе различные упущения. Так, например, он на ектенью поминал императора и его семью как царя, а о Синоде и архиерее не молился, а вместо этого говорил: «Всех вас помянет Господь Бог...». Был зафиксирован еще ряд неточностей, которых нет ни в старых книгах, ни в новых¹¹.

Саввина вызвали к преосвященному, обязали его подпиской о служении «по чиноположению церковному» и приказали высочайшие имена помянуть, как положено. В противном случае пригрозили лишением сана. Однако благочинные вновь доносили, что императора, его фамилию, Синод и митрополита ему запрещают помянуть старообрядцы. Владыка запретил Саввина в служении, а к Сретенской церкви был направлен один из двух священников и причетник Никольской в доме купца Милова церкви.

Саввина же допросили светские власти. Он признался, что поминал императора и Синод, как положено с 15 января по 17 марта 1801 г. Священник говорил, что ему запретили так помянуть Добрецов и купцы Емановский, Леонтьев и Макар Захаров, потому что этого нет в старых книгах. Староверы ссылались на то, что у них на это есть разрешение от гражданского начальства. Не доносил священник по «простоте» своей, а сам «противного мудрования» против церкви не имел¹².

2 января 1805 г. прибыли священник Никольской единоверческой церкви, назначенный к Сретенской, Тихон Ефимов и благочинный. Они нашли церковь запертой и пошли домой к священнику Саввину, у которого собралось «довольно много» прихожан. Пастыри объявили им, что теперь будет служить Ефимов. Прихожане приняли это известие тихо. Благочинный уехал, а назначенный священник остался.

Вскоре приехали Добрецов и Емановский. Они стали кричать, чтобы тот «пошел вон» и вообще «они синод не признают и митрополита не слушают». Священник пытался остаться, говоря, что должен исполнять предписание своего архипастыря. Но когда они подошли к нему со злым видом, «то он, убоясь того, чтобы не последовало убийства» вынужден был ретироваться. Об этом 3 января было сообщено военному губернатору, который обещал разобраться и наказать виновных, а также попросил отправить ему «пункты», на основании которых стоит Сретенская церковь, что и было сделано 10 января¹³.

А 5 февраля в связи со сложившейся кризисной ситуацией прихожане миловской Никольской церкви предприняли попытку поставить под свой контроль соседнюю Сретенскую общину. Они просили митрополита «о предоставлении общему их присмотру Сретенской единоверческой церкви, и дозволении отправлять службу в обеих сих церквях сей Николаевской церкви священникам по-очереди». 7 февраля владыка удовлетворил просьбу и сообщил военному губернатору, чтобы он через своих подчиненных приказал допустить никольских прихожан к управлению Сретенской церковью и открыть им ее¹⁴.

Однако единоверцев Сретенской общины такой порядок дел категорически не устраивал. 2 марта 1805 г. петербургский губернатор граф Толстой прислал к митрополиту прошение, поданное ему от сретенских единоверцев, которые раскаивались в своих грехах и просили вернуть им Саввина. Просьбу утвердили, Саввину разрешили служение, взяв подписку, что если он еще раз отступит от пунктов единоверия, будет лишен сана совсем¹⁵.

Вскоре после драматических событий начала 1805 г. в Сретенской общине произошел раскол. Радикальная группа сретенских староверов, а именно цеховой мастер Павел Добрецов, мещанин Макар Патров, купец Емановский и др. (всего около 60 человек), отказались почитать царя по синодальной форме, «уклонились от той церкви». А Добрецов в бытность свою старостой еще и забрал часть вещей, пожертвованных прихожанами, на немалую сумму. Они «составили» свое общество «безцерковное», а служить у них стали священники неизвестного происхождения, вероятно, беглые, что противоречило второму пункту правил единоверия.

Возник спор между двумя «обществами» о незанятом месте при кладбище. Отколовшиеся полностью разорвали связь с прежней общиной, перестали подавать сведения о родившихся, умерших и брачующихся, что продолжалось четыре года. Право Сретенской общины на землю отстаивали ее попечители, купцы Александр Максимов и Федор Ленонтьев. В 1806 г. отделившиеся старообрядцы стали мерить пустырь с целью построить часовню и иметь свое отдельное кладбище.

Ситуация разрешилась только в 1809 г., когда бывший в столице главнокомандующим генерал от инфантерии Сергей Кузьмич Вязмитинов распорядился дать отколовшимся староверам построить лишь дом для бедных и убогих на том месте, согласно утвержденному плану. Но земля, на которую претендовали члены «безцерковного» общества, им выделена не была. Добрецову и его соратникам пришлось отказаться от идеи самостоятельной общины, вследствие чего они заявили, что отдельной церкви не просили, и «отдельного согласия он со своими товарищами не составлял». Главнокомандующий рассудил, что построение богадельни не может служить к разделению общины¹⁶. Таким образом, было сохранено формальное единство общины, однако после произошедших событий сложно даже строить предположения о воцарившемся внутреннем мире и единстве в Сретенской общине, да и среди единоверцев Петербурга вообще¹⁷.

Из всего вышесказанного видно, что ситуация вокруг единоверческих общин Санкт-Петербурга была непростой. Два единоверческих прихода конкурировали друг с другом. Единоверцы двух общин не видели друг в друге братьев по вере. В непростой ситуации 1804–1805 гг. Никольская община попыталась подчинить себе Сретенскую, направив туда своих священников. Для сретенцев же оказалось проще пойти на компромисс с официальной церковью и вызволить запрещенного священника Саввина, чем покориться своим «собратьям». Наконец, раскол в Сретенской общине наиболее ярко показал, что значительная часть единоверцев оставалась на деле радикальными, совершенно не склонными к компромиссу старообрядцами, способными на решительное сопротивление и даже на разрыв со своей общиной.

Подобная ситуация была обусловлена обострением противоречий в старообрядческой среде. Условно можно разделить их на две группы. Первая из них – антагонизм между Сретенским и Никольским приходами. Формально находясь в единении с господствующей церковью (а значит, и друг с другом), петербургские общины оставались чуждыми друг другу и не составляли духовного единства.

Вторая группа причин обусловлена внутренними противоречиями в самой Сретенской общине. Такая ситуация определялась наличием в ней радикальной группы прихожан, стремившихся к максимальной религиозной автономии и не желавших подчиняться ни господствующей церкви, ни «собратьям» по вере из соседней общины.

Из всего вышесказанного следует, что говорить о единоверии в Петербурге в этот период можно с большой долей условности. Большинство петербургских «единоверцев» оставались староверами. Из подобного «неискреннего» положения единоверцев проистекают и другие черты петер-

бургского единоверия, которые, впрочем, во многом характерны и для других регионов.

Во-первых, старообрядчество находилось в состоянии перманентного конфликта с церковной властью, а потому внесение каких-либо изменений в богослужение, навязанных официальной церковью, воспринималось частью староверов, принявших единоверие, как вероотступничество, церковь же старалась ни на йоту не отступать от «Пунктов» митрополита Платона. Во-вторых, беглопоповцы, привыкшие управлять священниками по собственному усмотрению, с трудом встраивались в систему церковной иерархии, где единоверческие пастыри зависели от благочинных и архиереев; беспоповцы, утратившие традицию священства, воспринимали введение этого института еще более болезненно.

Положение, сложившееся в столице, не было уникальным. Подобная ситуация, например, имела место в 1830-е – 1840-е гг. в Нижнетагильском заводе¹⁸. Отсюда можно сделать вывод о том, что при переходе в единоверие староверов их идентичность мало изменялась. Доминантой их религиозного сознания была принадлежность к своему прежнему старообрядческому согласию, к своей традиционной общине. Система ценностей новообращенных «единоверцев», представления о том, кто – «свой», а кто – «чужой», также оставались неизменными. Таким образом складывалась парадоксальная, казалось бы, ситуация непримиримого антагонизма между единоверческими общинами.

Первоначальное становление петербургского единоверия проходило в непростой ситуации¹⁹, но столичные единоверцы со временем консолидировались и вышли на лидирующие позиции и стали влиять на развитие единоверия в масштабах всей страны²⁰. К началу XX в. петербургская община стала одной из сильнейших в России и заслуженно претендовала на главенство среди единоверческих общин России²¹. Единоверцы Петербурга в XIX в. прошли нелегкий путь развития, изучение которого требует отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иоаннов А., прот.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. СПб., 1795. С. 95, 97, 125, 143–147; *Шлеев С., прот.* Единоверие в своем внутреннем развитии. СПб., 1910. С. 16–44; *М. С-кий.* Исторический очерк единоверия. СПб., 1867. С. 10–37, С. 197–198. Сокращением «М. С-кий» подписался, как нами установлено, Михаил Симеоновский, автор первой монографии о единоверии – см.: Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А. Н. Львовым. СПб., Тип. А. П. Лопухина, 1900.

С. 351–353. Несмотря на то, что имя исследователя известно, здесь и далее ссылки на него следуют в соответствии с устоявшейся традицией, т. е. в сокращении.

² Макарий, еп. Винницкий. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 361–364; М. С-кий. Указ. соч. С. 37–52; В подробностях зложключения Сергия описаны в сочинении «О приключении Успенской старообрядческой обители строителю монаху Сергию и о некоторых его проишествиях» (РНБ. ОСПК. I. Q. 742).

³ Ивановский Н. И. История единоверия (Рецензия на Исторический очерк единоверия М. С-го. Издано иждивением протоиерея Никольской единоверческой церкви Т. А. Верховского. СПб, 1867.) // Православное Обозрение. 1867. С. 196–198; Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1. (1716–1800). Тип. МВД. СПб., 1860. С. 757–760, 768–769; Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. Т. XXV. № 18328.

⁴ Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII – середина XIX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 92–93.; Шлеев С., прот. Единоверие в своем внутреннем развитии... 48–53.

⁵ Собрание постановлений по части раскола... С. 766–768; М. С-кий. Исторический очерк единоверия... С. 101–105, 198.

⁶ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 81. Л. 1–13.

⁷ М. С-кий. Указ. соч. С. 101–105; Единоверческая церковь св. Николая Чудотворца (Миловская) // Петербург православный [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.spbreligion.ru/more.php?id=41&pageid=1>; Бовкало А. А. Николо-Миловская единоверческая церковь [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/kl/spburgnikmiled.html>;

⁸ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 12; М. С-кий. Указ. соч. С. 101–105, 198; Церкви Сретения Господня, Благовещения Пресвятой Богородицы, и пророка Илии на Волковском единоверческом кладбище // Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.enspb.ru/article.php?kod=2804677797>

⁹ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 12об. –13об.

¹⁰ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 13об. –14.

¹¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 14–15об.

¹² РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 15 об. –17об.

¹³ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 17 об. –18.

¹⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 18 об. –19.

¹⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 19–19 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. Д. 528. Л. 1–11 об.

¹⁷ Впрочем, вполне возможно, что впоследствии произошло примирение части радикально настроенных сретенцев с прочими единоверцами. Косвенным подтверждением этому служит запись в синодике Николо-Миловской церкви, где упоминается преставившийся 25 октября 1827 г. отрок Харлампий Патров. Вероятно, это родственник того самого Макара Патрова, который устроил раскол в Сретенской общине в 1805 г. – РО БАН. Единоверч. собр. 11. Л. 142.

¹⁸ Валушкин Н., свящ. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // Православный собеседник. 1866. №1, 7, 9, 11; 1867. № 4, 6.

¹⁹ Такая ситуация сложилась, например, в Миловской общине в 1816 г. Выборы старосты показали, что часть единоверцев (партия купцов К. Чурсинова и К. Михайлова) тяготела к более тесной интеграции с властью, а другая (партия купца И. И. Милова) стремилась сохранить максимальную автономию. Для разрешения дела, грозившего расколом общины, понадобилось вмешательство митрополита Петербургского Амвросия (См.: *Чельцов М. П.* Единоверие за время столетнего существования его в русской церкви. 27 октября 1800 г. – 27 октября 1900 г. (Очерки из истории единоверия). СПб., 1900. С. 65–66).

²⁰ Примером тому может служить деятельность Т. А. Верховского, вторично обращавшего стародубские слободы. См.: *М. С-кий.* Указ. соч. С. 106; *Верховский Т. А., свящ.* Стародубье. Записки протоиерея с.-петербургской Никольской единоверческой церкви Т. А. Верховского, высочайше командированного в 1845–1848 г. государем императором Николаем Павловичем для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах. Казань, 1874.

²¹ Это неудивительно, поскольку в Петербург стекались лучшие кадры, в т. ч. и единоверческие, со всей страны. Одним из таких «самородков» был о. Симеон Шлеев (1873–1821) – впоследствии священномученик Симон, епископ Охтенский. Несмотря на то, что он был родом из Симбирской губернии, прославился о. Симеон как яркий ревнитель единоверия именно в Петербурге. С его деятельностью можно связывать расцвет единоверия в Петербурге начала XX в.

Х. Рюсс

ПОХОД НАПОЛЕОНА В РОССИЮ 1812 ГОДА: НЕМЕЦКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ.

Франциска Амелунг, которой посвящено данное исследование, родилась в 1789 году в селе Грюненплан недалеко от Холцминдена на Везере, где её отец до конца восьмидесятых годов был успешным арендатором стекломануфактуры герцога Брауншвейгского. В раннем детстве она получила домашнее образование, потом посещала школу в Ганновере и Гамбурге, где преподавали типичные для того времени учебные предметы для девочек, такие как религия, домоводство, рукоделие и т. д. Но несмотря на то, что Франциска отличалась хорошей успеваемостью среди школьников – учителя удивлялись её необыкновенно хорошей памяти, позволившей ей, по её словам, запомнить имена 300 богов и богинь из древней мифологии! – всё же она ощущала ограниченность и недостаточность своего образования, особенно когда жизненная перспектива незамужней женщины стала для неё весьма реальной. Все её сёстры вышли замуж в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, а когда Франциска Амелунг отправилась в Россию, ей было уже 22 года¹.

Итак, вполне вероятно, что одной из причин путешествия Франциски Амелунг в Россию была тайная надежда найти там, в окружении живущих в достатке родственников, своё «счастье». К тому же в Гамбурге, где